

Елена
Первушина

ЛЕНИН ГРАД СКАЯ УТОПИЯ

АВАНГАРД

В АРХИТЕКТУРЕ

СЕВЕРНОЙ

СТОЛИЦЫ

Елена Владимировна Первушина

Ленинградская утопия.

Авангард в архитектуре

Северной столицы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945815

Ленинградская утопия. Авангард в архитектуре Северной столицы:

Издательство Центрполиграф; М.; 2012

ISBN 978-5-227-03673-5

Аннотация

Книга с головой окунает нас в атмосферу послереволюционного Ленинграда – города, устремленного в счастливое коммунистическое будущее. Новое время требует нового мышления и нового искусства, и на смену старому, отжившему приходит бодрый и энергичный авангард. В архитектуре модерн сменяется функциональным сдержанным конструктивизмом. В городе немало зданий, построенных в этом духе. Именно они и оказываются в центре внимания автора. На наших глазах история оживает! Страна строит новые жилые дома, общежития, школы, больницы. Возводятся дома культуры, универмаги, заводы, разбиваются сады и парки – все, без чего не сможет жить человек будущего. Все функционально! Ничего лишнего! И пусть сейчас этот стиль кажется бездушным и

прямолинейным, он был воплощенной мечтой о новом обществе, и то, что мечта так и осталась утопией, – не его вина... Иллюстрированная старыми и современными фотографиями, книга будет интересна всем, кто увлекается архитектурой, всем, кому хочется узнать живую историю Северной столицы.

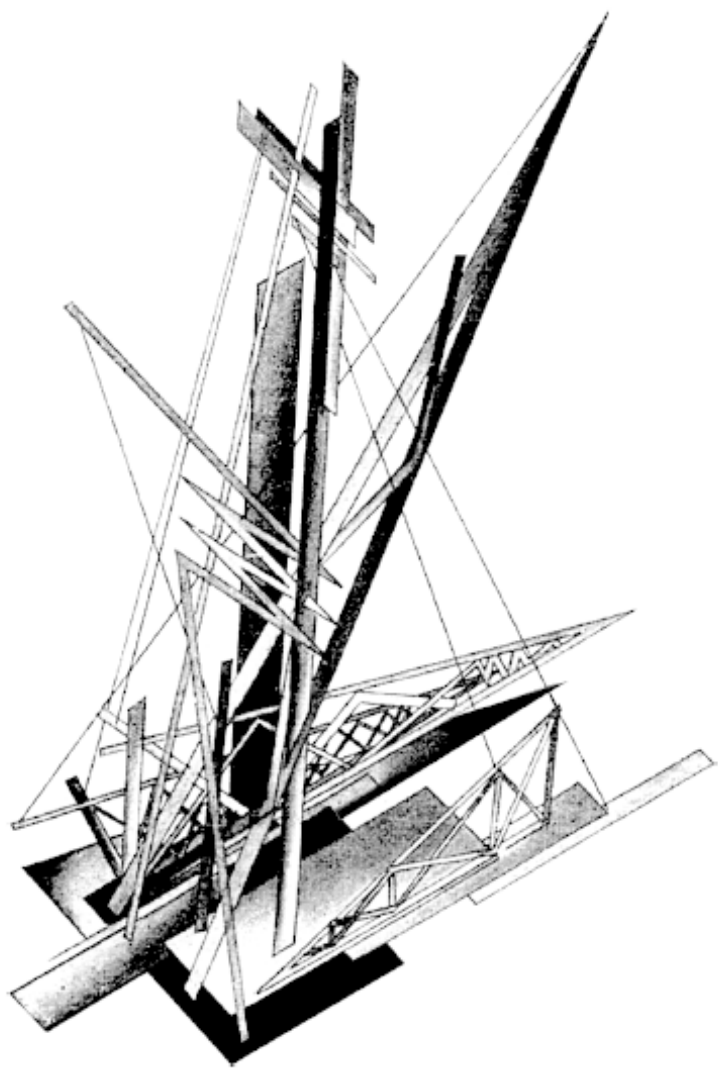
Содержание

От автора	5
Глава 1	8
Население	9
Границы и районы	10
Быт	18
Архитектура	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Елена Владимировна
Первушина
Ленинградская утопия.
Авангард в архитектуре
Северной столицы**

От автора

*Знатоку и неугомонному исследователю
Петербургской архитектуры С. Бабушкину с
благодарностью посвящается*

Домов, построенных в стиле конструктивизма, очень много в городе. Они вкраплены в старую застройку, рассыпаны на окраинах. Но заметить их не так-то просто: они лишены украшений и не бросаются сразу в глаза. А когда их замечаешь, то строгая аскетичная простота их фасадов подчас кажется уродством. Иногда же, напротив, завораживает, заставляет вглядываться в попытке понять, в чем секрет очарования.

Эти дома рассказывают свою историю. Историю страшных, голодных лет, историю невероятной надежды на справедливость, историю государства, которое, как надеялись его жители, станет самым прекрасным на земле, и которое на их глазах превратилось в монстра. Историю Советской Утопии и советской действительности.

Давайте поговорим с ними.

Глава 1

Петроград в конце XIX – начале XX века

«Весь мир насилия мы разрушим!» – пели революционеры на сходках и на баррикадах. В XXI веке эти слова отзываются горькой иронией. «Разрушим... до основания. А зачем?» И в самом деле – зачем? Так ли плохо жилось в России, а конкретно в Петербурге в 1917 году? Что заставило рабочих и крестьян присоединиться к большевикам? Что вызвало волну ненависти к «миру насилия», к царской семье, к монархической России? Может быть, все дело в талантах пропагандистов и агитаторов? Или у рабочих были свои основания для недовольства? Как же выглядел тот мир, который они хотели разрушить?

Для того чтобы узнать это, нам предстоит покинуть «блистательный Санкт-Петербург» и отправиться на рабочие окраины, где в конце XIX – начале XX века творилась история.

Население

В конце XIX – начале XX века число жителей столицы неуклонно росло. В 1865 году оно составило 539 000 человек, через десять лет увеличилось до 758 000, затем еще через двадцать лет перевалило за цифру 1 000 000, в 1905 году петербуржцев было уже больше полутора миллионов, а с 1915-го – более 2 миллионов. Много это или мало?

Конечно, Петербург нельзя было сравнить с крупнейшим городом Европы того века – Лондоном, чье население уже в XIX веке перевалило за 6 миллионов, но вполне можно сравнить с Парижем, трехмиллионный житель которого родился только в 1921 году.

Рост населения в конце XIX века совпал с бурным промышленным ростом – в 1907 году в Петербурге насчитывалось 14 заводов-гигантов, в то время как во всей Германии их было всего 12. Заводы-гиганты требовали большого количества рабочих. Ими в основном становились бывшие крестьяне, ушедшие из деревень, чтобы попытаться счастья в городе. Всем этим людям нужно было жилье, причем жилье дешевое.

Границы и районы

Если мы заглянем в «Энциклопедию Брокгауза и Эфрона», то обнаружим, что в конце XIX века быстрее всего росло население Александро-Невской (на 168,7 %), Выборгской (на 142,0 %), Нарвской (на 109,5 %), Петербургской (на 132,3 %) и Рождественской (на 102,7 %) частей города, то есть его окраин.

В XVIII веке граница города проходила по реке Фонтанке, в XIX веке она отодвинулась к Обводному каналу. Заставы, расположенные на пересечении канала и главных магистралей, ведущих в столицу, осуществляли паспортный контроль, здесь же происходил таможенный досмотр товаров. Канал служил и санитарной преградой при эпидемиях. Он являлся транспортной магистралью для множества барж и плотов, был коллектором сточных вод промышленных предприятий. На его берегах вырастали заводы, фабрики и склады: Российско-американская мануфактура – будущее товарищество «Треугольник» (наб. Обводного канала, 134–138), железопрокатный завод (наб. Обводного канала, 146–148), винный завод и склады (дома №№ 197–201), пивоваренный завод И.А. Дурдина (дома № 211–213), Российская бумагопрядильная мануфактура (дома № 223–225), Калининский пивоваренный завод (дом № 229), Главный газовый завод с огромным газгольдером, построенный Обществом освеще-

ния газом С.-Петербурга (дом № 74), Элеватор Общества товарных складов (дом № 2), паровая мельница и пакгаузы.

В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал...

<...>

А вокруг черны заводов замки,
Высок под облаком гудок.
И вот опять идут мустанги
На колоннаде пышных ног.
И воют жалобно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над каналом спят калеки,
К пустым бутылкам прислонясь.

Николай Заболоцкий

Начинался Обводный канал у Александро-Невской лавры. По другую ее сторону, за Невским проспектом, располагалась так называемая Рождественская часть (по расположенной здесь церкви Рождества Богородицы), или Пески. В XIX веке основную часть населения Песков составляли мещане и ремесленники, которые занимались поденной работой, торговлей, держали постоянные дворы, перевозки через Неву. В конце века здесь (как и во всем городе) разворачивается строительство многоэтажных доходных домов, владельцы которых сдавали внаем квартиры. Среди них были дорогие, расположенные в бельэтаже (т. е. на втором этаже), и

включавшие в себя более 30 комнат. Квартиры на 3–4 этажах были двух– или трехкомнатными (средняя площадь комнат 16–24 кв. м). Такую квартиру мог себе позволить человек среднего достатка – врач, адвокат, инженер и даже высококвалифицированный рабочий. Средняя плата за квартиру в Рождественской и соседней Александро-Невской частях колебалась от 22 до 46 руб. в месяц (в то время как в фешенебельной Адмиралтейской части она составляла 180 руб. в месяц).

Первые этажи доходных домов сдавались под лавки и магазины.

За Обводным каналом располагались Нарвская, Невская и Московская заставы – бывшие пограничные пункты столичного города.

В начале XIX века с переводом из Кронштадта чугунолитейного завода (будущего Путиловского) район Нарвской заставы стал формироваться как промышленная зона. С 1868 по 1880 год заводом владел российский предприниматель Н.И. Путилов, по фамилии которого завод получил свое название. В начале XIX века этот завод занимал первое место по выпуску продукции в России и третье в мире.

Участки за Нарвской заставой были раскуплены купцами и промышленниками под строительство заводов и мануфактур. Здесь находились водочный завод Якова Николаевича Молво и его же сахарный завод, позднее ставший бумагопрядильной фабрикой Кенига (Лифляндская ул., 3); Бумаго-

прядильная мануфактура Воронина, Лютша и Чешера (наб. р. Екатерингофки, 25, корп. 2); Гутуевская суконная мануфактура Т.Л. Аух (наб. р. Екатерингофки, 19). Деревни Во-лынкина, Тентелевка, Емельяново, Автово, существовавшие еще до основания города, превратились в рабочие поселки.

В 1874–1885 годах от Гутуевского острова до Кронштадта построили Морской канал для того, чтобы дать возможность судам с большой осадкой приближаться к берегу. Тогда здесь выкопали Гутуевскую гавань, в которую перевели Морской порт. Позже появились Угольная и Лесная (Хлебная) гавани и Сельдяной буян – пристань, где разгружали бочки с сельдью.

Большое количество предприятий располагалось вверх по течению Невы за Александро-Невской лаврой. Это Александровская ситценабивная фабрика Паля, которая работает и в наше время под названием Александро-Невская мануфактура (пр. Обуховской Обороны, 70), лесопильня Громова (пр. Обуховской Обороны, 76), Невский стеариновый и мыловаренный завод (пр. Обуховской Обороны, 80). И знаменитый Александровский чугунолитейный завод (дома № 125, 123а и 127), на котором под руководством инженера М.Е. Кларка были изготовлены перекрытия Александровского театра и Зимнего дворца, скульптурные композиции арки Главного штаба, Нарвских и Московских триумфальных ворот, решетки мостов и т. д. В 1830 году здесь построили один из первых русских пароходов «Нева», в 1834 году – первую ме-

таллическую подводную лодку, а в 1845-м – первый магистральный паровоз.

Выше по течению Невы в районе Невской заставы находились Императорский фарфоровый завод, Карточная фабрика (пр. Обуховской Обороны, 110) и Сталелитейный завод Морского министерства. Организатором производства на Сталелитейном заводе стал выдающийся горный инженер и металлург П.М. Обухов, изобретатель прогрессивного метода выплавки тигельной стали, с помощью которого были отлиты первые стальные пушки в России.

Еще выше по течению построены Невская писчебумажная фабрика Варгуниных (Октябрьская наб., 54), Суконная и одеяльная фабрика Джеймса Торнтона (Октябрьская наб., 50–52). Местность, где располагались бараки рабочих (между современными ул. Дыбенко, пр. Большевиков и ул. Новоселов), называлась Веселым поселком.

Познакомиться с жизнью и бытом рабочих можно в музеях «Нарвская застава» (ул. Ивана Черных, 23), и «Невская застава» (ул. Ново-Александровская, 23).

Город в основном рос в южном направлении. На северо-западе долгое время, вплоть до начала XX века, границей городской застройки оставалась Нева. За Невой располагалась Петербургская сторона, предместье, где жили мещане, обедневшие дворяне, отставные чиновники. Район был застроен одно- и двухэтажными деревянными домами, окруженными садами (такой чудом сохранившийся дом можно

увидеть на Б. Пушкарской ул., 12). Летом местность становилась дачной. В своем очерке «Петербургская сторона» украинский писатель и публицист Е. Гребенка пишет: «Летом вся вообще Петербургская сторона оживает вместе с природой. Дачемания, болезнь, довольно люто свирепствующая между петербуржцами, гонит всех из города; люди, по словам одного поэта:

И скачут, и ползут,
И едут, и плывут...

Вон из Петербурга: кто побогаче – подальше, а бедняки – на Петербургскую сторону; она, говорят, та же деревня, воздух на ней чистый, дома больше деревянные, садов много, к островам близко, а главное, недалеко от города; всего иному три, иному только пять верст ходить к должности».

Более дорогие дачи можно было снять на Островах, на Черной речке, в Лесном, на Озерах, в Шувалово и т. д.

Каменная застройка появилась в этой части острова только в конце XIX – начале XX века. В 1898 году в начале Каменноостровского проспекта построили особняк, который приобрел министр финансов России С.Ю. Витте. В 1908 году рядом, на Петровской площади, вырос дворец великого князя Николая Николаевича-младшего. После этого Петербургская сторона была окончательно признана «модной» и «фешенебельной». На ней наперебой стали строить камен-

ные особняки и доходные дома.

Промышленные предприятия располагались в основном за Большой Невкой. На Выборгской набережной – Никольская мануфактура акционерного общества «Воронин, Лютиш и Чешер» (дома № 55–59), ныне – комбинат «Красный маяк»; завод Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (дом № 43) и ниточная фабрика «Невка» (дом № 47), ныне – комбинат «Красная нить».

На Большом Сампсониевском проспекте построили Сампсониевскую бумагопрядильную мануфактуру, ее корпуса (дом № 32) в настоящее время занимает прядильно-ткацкая фабрика «Октябрь».

В 1842 году Э. Нобель основал фабрику по изготовлению морских мин (Б. Сампсониевский пр., дома № 26, 28, 30). Впоследствии этот завод («Русский дизель») стал одним из крупнейших городских предприятий тяжелого машиностроения. Владения Нобелей включали в себя жилые колонии. Дома рабочих располагались вдоль внутриквартального проезда от Большого Сампсониевского проспекта (дома № 20, 27). Нобелям принадлежала и территория, находящаяся за Лесным проспектом, где находились особняк владельца завода (арх. Лидваль, Лесной пр., 21) и Народный дом-читальня (арх. Мельцер, Лесной пр., 19).

Позже здесь построили лесопильный завод и льноджутовую мануфактуру Д.Н. Лебедева (Б. Сампсониевский пр., 28), в 1881-1890-х годах – особняк и контору завода Кенни-

га (Б. Сампсониевский пр., 26).

Рядом располагался сахарный завод А.Л. Штиглица (Б. Сампсониевский пр., 24).

На Петровском острове находились городок для рабочих завода по производству металлических изделий и чугунного литья Ф.К. Сен-Галли и пивоваренный завод «Бавария» (современный адрес – Петровский пр., 9).

Разумеется, это далеко не полный список промышленных предприятий Петербурга. «Город бедный», город промышленников и рабочих людей – кольцом охватывал «город пышный», богатый и утонченный центр столицы империи. И условия жизни в этих двух городах были совершенно разными.

Быт

Тесть Иосифа Сталина Сергей Яковлевич Аллилуев был, по отзывам друзей, «блестящий сантехник, блестящий электрик». В 1907 года Сергей Яковлевич вместе с семьей, женой и четырьмя детьми, перебрался в Петербург. Работал в типографии, мастером на электростанции. Его жена, Ольга Евгеньевна, была медсестрой. Вместе они могли позволить себе снимать четырехкомнатную квартиру в Рождественской части (современный адрес – 10-я Советская ул., д. 17, кв. 20). В этой квартире в настоящее время работает музей, его можно посетить и убедиться, что условия жизни квалифицированных рабочих были неплохими. Квартплата в 1917 году составляла 70 руб. в месяц (в то время Сергей Яковлевич получал 150 руб.). За эти деньги Аллилуевы имели в своем распоряжении: центральное водоснабжение, канализацию, электрическое освещение, телефон, лифт, дровяное отопление, свою ванную комнату. Комнаты были обставлены венской мебелью, у хозяйки была швейная машинка «Зингер». Но так жили далеко не все.

* * *

В своем романе «Где лучше?» Ф.М. Решетников рассказывает историю женщины, которая приходит в город «на за-

работки» и пытается наняться на фабрику и снять жилье. Она встречает мастерового Игнатия Петрова, и он рассказывает ей о городских порядках:

«— Ну, где же вы поселились?

— Мы идем квартиру искать.

— Постойте... Молодой человек, вы к чему приспособлены, то есть к какому ремеслу?

— Это мое дело! — отвечал нехотя Панфил.

— Видите ли, я почему спрашиваю. Квартирны у нас вы, пожалуй, не скоро сыщете, потому что здесь по нашему вкусу мало квартир, и поэтому рабочие каждой фабрики или завода живут отдельно от рабочих других фабрик; это уж редкость, чтобы в том же доме жило несколько человек из разных фабрик и заводов; к тому же здесь и домов больших нет. Ну, если вы хотите найти квартиру для себя, то вам какую же надо квартиру? Рабочее семейство вас всех не примет, потому что оно вас не знает; нанимать целую квартиру — две комнаты с кухней — еще не отдаст домохозяин; скажет: может, еще мазурики какие... Право. А вот если ваш братец захочет с нами работать на литейном заводе, тогда мы легко сыщем квартиру.

— А мне там можно робить? — спросила Пелагея Прохоровна.

— Нет, у нас женщины не работают. Вот тут недалеко обойная фабрика была, назад тому два года, работали и женщины, только теперь женщин там заменили мальчиками.

А то, если хотите, можно на сахарный завод поступить.

– А сколько там платят?

– Ну, вы уж и об цене!.. Вам копеек сорок дадут, не больше. Если вы хотите, то я схожу к Лизавете Федосеевне. Она вот тут за дровяным двором с сестрой и с мужем живет, у ней теперь есть комната, потому вчера ихний жилец повздорил с ними и вечером же перешел на другую квартиру. Сестра-то Лизаветы Федосеевны на сахарном заводе работает, так вот вам и легко будет поступить туда.

– А разве у вас трудно на заводы поступить?

– То-то, что у нас, молодой человек, в народе никогда нет недостачи, и нашему брату, мастеровому, тоже хочется, чтобы все работали поровну, а то за что же другой будет получать деньги, не умея ничего делать? Поэтому у нас мастера и не нуждаются в приходящих, говорят – не надо; а если такого человека никто в заводе или фабрике не знает, то его осмеют рабочие, и ему не попасть туда. А если он с кем-нибудь работал прежде где-нибудь или просто знаком, тогда его примут тотчас же, и уже за него в ответе тот, который рекомендовал его.»

И все же им удастся нанять комнату «у мещанки Елизаветы Горшковой» за 2 руб.

«Дом, в котором жила Лизавета Федосеевна Горшкова, был полукаменный. Нижний этаж, сложенный из кирпича, когда-то вмещал в себе лавки,

но теперь на нем не только не было штукатурки, но не было даже и дверей там, где когда-то были лавки. Во втором, деревянном, этаже с девятью окнами, выходящими к деревянному двору, рамы были с разбитыми стеклами, с замазанными бумагой или просто заткнутыми тряпкой дырками. К этому этажу со стороны деревянного двора была сделана крутая лестница с перилами – лестница очень старая, со ступеньками, прикрепленными бечевками, так что невольно думалось, что тут, в этом этаже, живут не рабочие, а какие-нибудь другие люди, которые или не дорожат своею жизнью, или не умеют соорудить новую лестницу. На перилах этой лестницы, наверху, и на протянутой вдоль дома бечевке сушилось разное белье. Направо от лестницы дом примыкал к забору, выходящему в какой-то переулок, за которым тотчас начиналась фабрика. Во дворе было очень грязно; о зловонии и разговаривать нечего.

Петров не повел Пелагею Прохоровну по лестнице. Они завернули к противоположной стороне дома. Там стояла поленица барочных дров, были три гряды, с которых уже до половины были выбраны капуста и картофель, и росла одна березка.

– Вот и у нас, в Питере, жилицы заводятся своим домом.

А знаете ли, Пелагея Прохоровна, что эти три гряды принадлежат восьми семействам, которые живут во втором этаже?

Я думаю, у них много было ссоры из-за того, кому

в каком месте сажать, да и теперь без ссоры, чай, не обходится. Вот и береза тоже. Но отчего бы не срубить ее, еще гряда бы была! Не мешает, говорят, пусть ее стоит; по крайней мере, детские пеленки можно на ней сушить...

– Ну, а что ж та лестница куда идет?

– Это фальшивый ход. Тут прежде по этой лестнице, когда дом не был еще очень стар, ходили в квартиру хозяина дома, потом в ней жил приказчик дровяного двора, но сделался пожар в его квартире, упали потолки. Вот хозяин лесного двора и велел заколотить эту квартиру. Однако наши бабы добрались и до нее. Есть у нас в доме квартира Селиванова, так его сестра стала раз вколачивать в стену гвоздь, оказалось, что гвоздь куда-то прошел в пустое место, а доска была поставлена и держалась на карнизах. Вот муж ее взял подрубил эту доску, вынул – и таким образом открыли пустую квартиру, в которой зимой многие сушат белье и в которую ходят через квартиру Селиванова.

С этой стороны дом несколько менял свою наружность. Казалось, что он как вверху, так и внизу имеет по две половины, именно потому, что в середине дома, внизу, было большое закоптелое отверстие, а вверху в окне вовсе не было рамы, и там стояли какие-то поломанные горшки и бутылки и висела юбка; внизу, по левую сторону, в двух окнах были рамы, и в форточку одного окна выходила железная труба; направо было три окна с рамами и разбитыми в них стеклами.

– Вот я тут и живу, направо. Нас тут, в двух

берлогах, помещается восемнадцать человек. Ничего, живем дружно и друг у друга не воруем; от посторонних воров нас тоже бог спасает. Да и правда, что украсть-то у нас, кроме инструментов, нечего. А налево живет кузнец. Он работает на заводе, когда у него дома нет работы, а как только достанет работу, дома мастерит.

Петров провел Пелагею Прохоровну и ее брата по узкой, крутой, с двумя оборотами, лестнице во второй этаж. На площадке, перед окном без рамы, были три двери. Петров отпер дверь направо; там оказалось еще два хода – напротив двери и налево от входа. Они вошли налево в узенькую прихожую, из которой ход был в кухню, и еще направо. В кухне пожилая, высокая, худощавая женщина сутилась около печи; откуда-то слышался детский плач и мужской голос.

– Вот, Лизавета Федосеевна, и жиличка с братом, – сказал Петров...»

Наконец Пелагея Прохоровна попадает в свою комнату.

«Комната, которую нанял Пелагее Прохоровне Петров, была маленькая, и свет в нее проходил через пространство между перегородкой и потолком из соседней комнаты, занимаемой хозяевами. В ней был всего только один с тремя ножками стул.

– Вы идите пока в нашу комнату. Вот Данило Сазоныч придет, он все вам устроит, – сказала молодая женщина.

Комната, занимаемая хозяевами, имела два окна, выходящие к деревянному двору. Она была бедно, но

хорошо мебелирована, и даже две кровати занавешены...

Начали говорить о работе. Софья Федосеевна говорила, что женщин больше обижают, чем мужчин, и меньше дают против мужчин дела; поэтому женщин мало работает в сравнении с мужчинами, и работают большею частию девушки, привычные к фабричной работе с малолетства в провинции или здесь, в Петербурге; но эта работа многих из них убивает преждевременно.

– Мне двадцать девятый год; я начала работать с восьмого года, здесь, в Петербурге, – говорила Софья Федосеевна. – Мать моя была, может быть, такая же женщина, как и я. Судить об ней я не могу, потому что была немного постарше этой девочки. Может быть, она и любила меня, только к чему и любовь, когда есть нечего... Ведь вот и у меня не всегда есть заработок; бывает, что по четыре дня без работы живешь. Починку на себя и для ребенка нечего считать за работу. Хорошо еще, что с сестрой живем дружно... А моя мать, вероятно, была одна-одинехонька. Должно быть, ей было не вмоготу с ребенком, и она продала меня. На седьмом году меня заставляли сучить бечевки, ткать. К четырнадцатому году я только и умела, что бечевки делать и ткать ковры. Я не была крепостною; меня считали за воспитанницу, и я за то, что меня кормили хлебом и одевали, должна была повиноваться. Но вот я узнала, что срок моему вскармлению кончился.

У меня были подруги. Все мы были, конечно, против наших воспитателей; имели много веры в себя, думали,

что нам и руки-то оторвут, требуя нас на работу. Оказалось не то. Куда мы ни придем – нужно учиться сизнова: ткачей мало из женщин, и заработок этот, как мы узнали, дешевле против прежнего наполовину... Потом я работала на бумажной мануфактуре. Нас было там, по крайней мере, до двухсот женщин, и заметьте: замужних было только штук тридцать. Я сперва находилась при чесальне и получала в день по пятнадцати копеек. Некоторые женщины получали и семьдесят пять копеек, но это такие, которые были в близких отношениях с мастерами, конторщиками, начальством, и труд их был очень легкий. Им стоило только смотреть, направлять машины и распоряжаться девчонками. Я там ничего не приобрела: все, что получала, шло на одежду и на хлеб. Оттуда перешла на обойную фабрику. Там машин было мало, и нашему брату приходилось растеребливать и сортировать хлам. Вдруг фабрика закрылась, и нам за три недели не заплатили заработку. Нужно было платить за квартиру, лавочнику; а тут вышли новые порядки – нужно в полицию платить за адресный билет. Меня посадили в часть...»

Один из участников обследования наемных квартир в Петербурге весной 1898 года писал: «Площадь пола, занимаемая... кроватью, и носит общее употребительное название „угла“. Если угол занят целой семьей или девушкой, то кровать отгораживается ситцевыми занавесками (пологом), подвешенными на веревочках; в таком отгороженном углу жи-

вет иногда семейство из 4, даже 5 человек: муж и жена на кровати; грудной ребенок в подвешенной к потолку люльке; другой, а иногда и третий – в ногах...»

Часто число кроватей в таких квартирах было значительно меньше числа проживавших в нем жильцов.

В этих случаях одна койка принадлежала двум рабочим, занятым на производстве в различные смены. Во всех квартирах на Выборгской стороне Петербурга, обследованных летом 1896 года, было – 439 кроватей на 1121 человека, т. е. на одну кровать приходилось 2,4 человека. В 1904 году в 3,3 тыс. угловых квартир с 51,8 тыс. жильцов одна кровать приходилась в среднем на 1,8 человека. Среднее число жильцов на 1 комнату в угловых и коечно-каморочных квартирах равнялось 5–6 человек.

Вот как описывали исследователи сдаваемые рабочим квартиры, в пригороде Петербурга – селе Смоленском в 1879 году (владельцем квартир был городской голова Владимир Александрович Ратьков-Рожнов):

«Вдоль комнаты в два ряда идут койки, на каждой из которых спят по два человека. Койки женатых занавешены пологом. Не на всех койках видны тюфяки и подушки, а если они и есть, то очень грязные; о простынях нет и помину. За помещение рабочие платят по 1 руб. 30 коп. с человека; за эту же сумму хозяева квартиры обязаны стирать рабочим белье и готовить кушать.

Рабочие из мастерских помещаются чище. У

них нередко помещения оклеены обоями, имеется кое-какая мебель: стол и несколько стульев. Но чернорабочие живут в помещениях худших, чем у Ратькова-Рожнова. Они нередко спят на нарах без тюфяка и подушки; постелью же для них служит всякая рухлядь, а мебель состоит из большого некрашеного стола и 2–3 скамеек».

Почти через 20 лет, весной 1898 года, все оставалось по-прежнему.

«За занавеской развешано и разложено все имущество семьи: платье, белье и т. п. Постельные принадлежности семейных жильцов и других несезонных, т. е. проводящих и лето, и зиму в Петербурге, в большинстве случаев более или менее удовлетворительны: у них можно встретить и подушку с наволочкой, и одеяло, и тюфяк, и простыни. У жильцов же, приезжающих в столицу только на лето, часто отсутствуют какие бы то ни было постельные принадлежности: неприхотливые летники спят на голых досках или подстилают под себя ту самую грязную одежду, в которой работают, нередко в страшной грязи, в течение дня... некрашенный дощатый стол, 2–3 табурета, иногда соломенный стул из так называемой дачной мебели или деревянная скамья дополняют собой незатейливую обстановку угловой квартиры и вместе с койками и нарами составляют все ее убранство».

Один из санитарных врачей Петербурга писал в первые годы XX века: «Значительно подорожали играющие роль

квартир промозглые подвалы, каморки, углы и койки, и бедному люду приходится покрывать сравнительно большие надбавки все из того же часто скудного заработка. Вот и становится необходимым или увеличивать и без того немалое трудовое напряжение, или же урезать себя и свою семью в удовлетворении самых насущных потребностей за счет здоровья и сил, а следовательно, и дальнейшей трудоспособности».

* * *

Можно было поселиться в рабочем общежитии при заводе. Только там условия были еще хуже.

Об этом мы можем судить по воспоминаниям Ивана Бабушкина. Речь идет о так называемом Доме Максвелла – рабочей казармы фабрики Максвелла (современный адрес – ул. Ткачей, 3).

«Однажды, рассказывая про жизнь на фабрике, товарищ упомянул о новом доме, выстроенном фабрикантом для своих рабочих, говоря, что дом этот является чем-то особенным в фабричной жизни рабочих. Однако трудно было понять, что это за дом. Не то он какой-то особенный по благоустройству, не то это просто огромнейшая казарма, в которой всюду пахнет фабрикой, в которой хорошее и дурное, приятное и скверное перемешано в кучу, не то это прямо дом

какого-то ужаса.

Саженьх в 40 от проспекта виднелось внушительное каменное здание, еще совершенно новое по своему наружному виду...

Мы решили прежде всего осмотреть внутренность самого здания и потом уже походить по двору и потолкаться среди самих фабричных. Широкая дверь в середине фасада здания вела вовнутрь, да и народ входил и выходил каждую минуту через эту дверь, поэтому и мы направились в нее же. Громаднейшая широкая лестница показывала, что здание приспособлено для большого количества жителей; стены были вымазаны простой краской, но носили следы чистоты и опрятности, здоровые чугунные или железные перила внушали доверие к солидности и прочности здания. Мы поднялись на одну лестницу и вошли в коридор, в котором нас, как обухом по голове, ударил скверный, удушливый воздух, распространявшийся по всему коридору из антигигиенических ретиратов. Не проходя по коридору этого этажа, мы поднялись выше, где было несколько свежее, но тот же отвратительный, удушливый запах был и здесь. Пройдя часть коридора, мы вернулись и поднялись еще выше этажом. И там было не легче, но мы решили уже присмотреться ближе, поэтому прошли вдоль по коридору и зашли в ретирадное место для обзора, потом, набравшись смелости, начали открывать двери каморок и заглядывать в них. По-видимому, это никого не удивляло, и нас не спрашивали, кого мы

ищем.

Отворив, таким образом, двери одной каморки и никого там не застав, мы спокойно вошли и затворили за собою дверь. Нашим глазам представилась вся картина размещений и обстановки этой комнаты. По правой и левой стороне около стен стояло по две кровати, заполнявшие всю длину комнаты почти без промежутка, так, что длина комнаты как бы измерялась двумя кроватями; у окна между кроватями стол и невзрачный стульчик; этим и ограничивалась вся обстановка такой каморки. На каждой кровати спало по два человека, а значит, всего в комнате жило восемь человек холостяков, которые платили, или, вернее, с которых вычитали, за такое помещение, от полутора до двух рублей в месяц с каждого. Значит, такая каморка оплачивалась 14 или 16 рублями в месяц; заработок же каждого обитателя колебался между 8 и 12–15 рублями в месяц. И все же фабрикант гордился тем, что он благодетельствует рабочих, беря их на работу с условием, чтобы они жили в этом доме, если только таковой не набит битком.

Мы вышли из каморки и заглянули еще в несколько. Все каморки были похожи одна на другую и производили угнетающее впечатление. У нас пропала охота осматривать дальше – общую кухню, прачечную и помещения для семейных, где серая обстановка скрашивалась лишь одеялом, составленным из бесчисленного множества разного рода лоскутков ярких цветов и которое покрывало

кровать, завешенную пологом. Полог служил двум целям: с одной стороны, он должен был прикрыть нищету, с другой – он удовлетворял чувству элементарной стыдливости, ибо рядом стояла такая же семейная кровать с такой же семейной жизнью. Все это было слишком ужасно и подавляло меня, заводского рабочего, живущего более культурной жизнью, с более широкими потребностями.

Мы двинулись к выходу. На огромной лестнице мы остановились и рассматривали автоматические приспособления для тушения пожара. Но все эти шланги, свинцовые трубы и приспособления не могли внушить к себе ни симпатии, ни доверия; эти блестящие медные краны и гайки не могли сгладить впечатления от голых, неопрятных, скученных кроватей и от стен, на которых подавлено и размазано бесчисленное множество клопов. Сзади слышен стоном стонущий гул в коридоре, отвратительный воздух беспрестанно надвигается оттуда же, и все сильнее и сильнее подымается в душе озлобление и ненависть против притеснителей, с одной стороны, и невежества – с другой, не позволяющего уяснить причины маложеланного существования».

Рабочие мелких предприятий (пекари, сапожники, коробочники, столяры и пр.) часто ночевали прямо в рабочем помещении. Об этом свидетельствуют данные медицинской полиции столицы середины 90-х годов XIX века, а также анкетных опросов петербургских рабочих в 1908 году.

«Дном» являлись ночлежные дома. В декабре 1910 года исследователь К.В. Караффа-Корбутт писал: «Характер населения ночлежных домов за последнее десятилетие резко изменился. Если раньше в немногочисленных ночлежных домах Петербурга ютились „отбросы“ городской жизни, то теперь всевозрастающая дороговизна жизни и в особенности квартир гонит в ночлежные дома рабочее население столицы, которое раньше находило приют в углах и дешевых квартирах».

В 1910 году треть постояльцев-мужчин ночлежных домов столицы составляли мастеровые и ремесленники и еще одну треть – чернорабочие, т. е. можно сделать заключение, что ночлежки фактически стали представлять «своеобразный тип дешевых квартир для беднейшего рабочего люда столицы», говоря словами Караффы-Корбутта.

* * *

При подобных условиях жизни заболеваемость населения была высокой. Первое место по распространенности в конце XIX – начале XX века занимала «бугорчатка легких», или туберкулез, летальный исход которой составлял в среднем 16,5 % всего числа смертных случаев.

«Энциклопедия Брокгауза и Эфрона» отмечает, что болезнь «поражала преимущественно необеспеченные и занятые тяжелым и антигигиеническим трудом классы населения

Петербурга. От чахотки, напр., из 100 умерших данной профессиональной группы умирает: 63 папиросницы, 62 чел., занятых в типографиях, по 61 – газо– и водопроводчиков, переплетчиков, коробочников, брошюровщиков; 60 живописцев, свыше 50 граверов, резчиков по стеклу, обойщиков, портных, шляпочников, медников, бронзовщиков, портных, парикмахеров, писарей, чертежников, слесарей и жестянщиков; ниже 50 %, но все-таки выше среднего (для чахотки средний процент умерших старше 15 лет равен 32), дают прочие группы, также занимающиеся тяжелым трудом. От крупозного воспаления легких при среднем проценте смертности, равном 8,2, умирают всего более лица, работающие на открытом воздухе (мусорщики, метельщики, мостовщики, каменщики, штукатуры, печники, садовники и огородники, от 18 до 17 %), от брюшного тифа (при среднем проценте – 4,6) – студенты (19,6), мусорщики, метельщики, мостовщики, плотники, полотеры (от 13 до 20 %); от алкоголизма (ср. 1, 95 %) – полотеры, мясники, колбасники, проститутки, извозчики, ломовые, носильщики тяжестей, банщики, парикмахеры, башмачницы, сапожники (от 4 до 9)».

Заболеваемость и смертность напрямую зависела от условий жизни, которые определялись квартплатой. В квартирах, где плата на жителя была выше 100 руб., умирало 14 человек из тысячи, в квартирах же, где плата была менее 20 руб., коэффициент смертности был в 2 раза больше – 30 человек из тысячи. Также различались коэффициенты смертности от

чахотки (соответственно 25 и 45 человек на тысячу), от болезней питания (12 человек среди обеспеченного населения и 38 среди необеспеченного), от болезней пищеварения – 16 и 52 человека, и от тифов – 2 и 6 человек.

Наличие в квартире водопровода также влияло на продолжительность жизни, так как обеспечивало выполнение элементарных гигиенических процедур. К 1900 году абонентами городской водопроводной сети числилось около 70 % петербургских домов, но оставшиеся 30 % как раз и приходились на беднейшие районы. В Петербурге в 1890 году водопровод имелся примерно в 25 %, ватерклозет – в 12 % однокомнатных квартир (которые с известной долей условности можно считать по преимуществу рабочими).

В 1895–1896 годах было проведено обследование жилищ рабочих в одном из пригородов и на Выборгской стороне Петербурга. На Выборгской стороне оказалось 12 квартир с водопроводом, в 23 случаях жильцы пользовались водопроводом в коридоре, в 7 – во дворе и в других местах, и в 41 квартире пользовались водой, привозимой в бочках. В пригороде не было ни одной квартиры с водопроводом. Жильцы лишь 27 из 90 квартир пользовались водопроводом во дворе, а остальные покупали воду у водовоза или сами носили ее из ближайшего источника, который «в большинстве случаев представлял... очень загрязненную речку или ручей».

Разумеется, предпринимались попытки улучшить эту ситуацию. При многих заводах открывались больницы, детские ясли и даже избы-читальни. Но усилий отдельных промышленников было явно недостаточно.

В апреле 1903 года по инициативе ученого Д.А. Дриля учреждено Товарищество устройства и улучшения жилищ для трудящегося нуждающегося населения, позднее переименованное в Товарищество борьбы с жилищной нуждой.

Главной задачей товарищества было создание «гигиенических, рационально устроенных жилищ для бедного населения» с организацией «при домах учреждений, способствующих улучшению быта и жизненной обстановки, как-вы столовые, читальни, детские сады и т. п.».

Свой первый опыт товарищество решилось предпринять на Васильевском острове, в Галерной гавани – районе со сплошной деревянной застройкой, где жили рабочие и беднейшие мещане.

«Галерная гавань – частичка громадного и великолепного города, в котором вы живете и наслаждаетесь, далеко у взморья, на самом конце Васильевского острова, по соседству со Смоленским кладбищем; ненадежный приют самого бедного петербургского народонаселения, о существовании которого вы только подозреваете – того народонаселения, которое за-

мирает от страха при малейшем возвышении воды и рискует быть потопленным всякий раз, когда в серый осенний день воеет ветер, раздаётся зловещий звук пушек, днем развеваются флаги на Адмиралтейской башне, а ночью зажигаются роковые фонари», – писал публицист XIX века Иван Панаев.

Обширный участок для рабочего городка на углу Малого проспекта Васильевского острова и Гаванской улицы был приобретен у принцессы Е.Г. Саксен-Альтенбургской. Городок решили назвать Гаванским.

Автором проекта стал архитектор Н.В. Дмитриев (при участии В.А. Федорова), по совместительству председатель правления товарищества. Для изучения западного опыта создания дешевых жилищ его командировали в Западную Европу. С особым интересом он изучал английский опыт (в частности, строительную деятельность лорда Раутона в Лондоне). 28 апреля и 12 июня 1904 года состоялась закладка зданий, параллельных Малому проспекту. Позднее были сооружены еще два корпуса вдоль Гаванской улицы (современный адрес – Малый пр. В. О., 69, 71; Гаванская ул., 47), здесь проживало свыше 1000 человек. Для семейных предназначались две сотни малогабаритных квартир (в одну, две или три комнаты), для одиноких – 110 отдельных комнат с общими кухнями. В торцевых частях двух домов у проспекта располагались магазин и ясли. Первый этаж здания в глубине квартала заняло четырехклассное училище, а в дворовом корпусе разместился общественный центр городка –

чайная-столовая, зал для чтений, библиотека и гимнастический зал.

Гаванский рабочий городок

Другую попытку строительства домов для рабочих предпринял в 1892 году архитектор Владимир Петрович Кондратьев. Вместе со своим старшим братом Леонидом он занимался обмером квартир в домах, предназначенных на снос. Его поразили ужасные жилищные условия, скученность и непомерно высокие цены на жилье для бедноты. В своем дневнике он записал: «Почему бы не построить хороший дом специально для рабочих? Ведь он не будет убыточным. Рабочие обычно за квартиру платят очень много».

В 1892 году В.П. Кондратьев получил звание техника, дающее право производства работ по гражданскому строительству, после чего уехал в Европу набираться опыта. Вернувшись, создал Общество взаимного благоустройства жизни семейных рабочих, главной задачей которого было строительство образцовых жилищ для рабочих. В течение пяти лет он добивался утверждения устава кооперативного общества и, не дождавшись положительного ответа Министерства внутренних дел, начал строительство на собственные средства. Один из его знакомых – Г.М. Кржижановский, порекомендовал В.П. Кондратьеву прогрессивно настроенных рабочих, инженеров и студентов, которые создали группу проектировщиков образцового городка-коммуны.

Для строительства купили участки по Лубенской улице (№ 3, 5, 8, 16 и 20/31 на углу Смоленской ул.). Летом 1904 года построили первый дом, получивший название «Порт-Артур» (современный адрес – Смоленская ул., 31/Заозерная ул., 20). Вслед за ним началось строительство второго дома под названием «Маньчжурия» (Заозерная ул., 3).

Для жильцов имелись бесплатные бани, библиотека, школа, музыкальная комната с набором инструментов и кинозал. Здание было оснащено мусоросжигающей печью, которая, по тем временам, являлась технической новинкой. Летом для детей жильцов в Петергофе был организован детский сад на 30 мест, который назывался Летней колонией.

В 1905 году наконец утвердили многострадаальный устав

Общества, но в урезанном виде. Часть положений (взаимная помощь, соревнование в знании и созидательном труде и т. д.) изъяли. Возмущенный В.П. Кондратьев издал частным образом первоначальную редакцию устава в виде брошюры и начал распространять его в рабочих районах города, за что его арестовали, но вскоре освободили (взяв обязательство уничтожить оставшийся тираж и не повторять подобного впредь). Из-за ареста он потерял дешевые кредиты во всех банках города. Строительство «Маньчжурии» остановилось. Для продолжения работы В.П. Кондратьев взял в кредит у князя Кочубея 250 тыс. руб. золотом под весьма высокие 22 % годовых. Это позволило завершить строительство «Маньчжурии», но для выплаты долгов ему пришлось продать земли, купленные для развития рабочего городка, и отдавать большую часть средств, получаемых строительной практикой. Строительство рабочего городка завершилось.

Комплексы «Маньчжурия» и «Порт-Артур» так и не стали родоначальниками новой жизни. Д.А. Засосов и В.И. Пызин в своей книге «Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов» писали: «Если подле трактира или чайной поднимался скандал и дело доходило до драки прохожие говорили: „Опять портартуровцы воюют“ или „Опять «Маньчжурия» дерется“... Нам пришлось познакомиться с бытом этих домов, так как мы, уже будучи студентами, принимали участие в их обследовании. Бледные дети, истощенные женщины, пьяные мужчины, разухабистые девицы легкого поведения – вот кого

можно было встретить в этих домах. Вечером дом шумел: играли на гармониках, пели пьяными голосами, шла картежная игра, ссорились. Воры возвращались с промысла, тут же скупщики краденного – портные – перешивали до неузнаваемости украденное пальто или пиджак... Жалко было смотреть на этих людей, отвыкших от трудовой жизни, соблазнившихся на эту жизнь, проводивших время в попойках, в карточной игре, в каком-то угаре. Еще грустнее было смотреть на детей, которые видели всю грязь этого ненормально-го быта».

Впоследствии В.П. Кондратьев становится гласным Городской думы, за работу в которой неоднократно получал благодарственные адреса от рабочих. В декабре 1917 года он передал «Порт-Артур» советскому правительству. Затем некоторое время занимал должность руководителя наркомата промышленности и торговли, позднее становится начальником технического отдела наркомата социального обеспечения. В 1920-м занимает должность главного архитектора Воронежской области, а свою профессиональную деятельность закончил в должности инспектора по строительству Театра Советской армии в Москве. В.П. Кондратьев одним из первых удостоен персональной пенсии республиканского значения. Умер в 1952 году.

Подобные частные инициативы не могли решить проблему полностью. Они лишь показывали пути и условия ее решения. И одним из этих условий был учет архитектором при

проектировании зданий нужд и потребностей жильцов вне зависимости от их состоятельности и родовитости.

Архитектура

К середине XIX века строгие здания, выстроенные в стиле классицизма, начинают приедаться. Для русских либералов господствовавшие тогда в архитектуре стили классицизм и ампи́р становятся воплощением николаевского полицейского государства, в котором не было места ничему новому, свободному и естественному.

Кроме того, с ходом промышленного развития владельцы домов стали предъявлять более высокие требования к функциональному устройству зданий: к их комфортабельности, гигиеничности, к освещению, отоплению и вентиляции. Классицизм, ориентирующийся прежде всего на красоту и гармоничность фасада, просто не мог удовлетворить подобные требования.

«В истории стилей наступают моменты известного истощения, – писал немецкий искусствовед А. Бринкман. – Классицизм,дохнувший своим рассудочным холодом, в конце концов, вызвал протест: против него восстали и чувство, и новая жажда живой жизни».

Так, в Европе, а затем и в России начал формироваться новый стиль – так называемый эклектизм, или историзм, использующий элементы так называемых «исторических» архитектурных стилей (неоренессанс, необарокко, неорококо, неоготика, неомавританский стиль, неовизантийский стиль,

псевдорусский стиль, индо-сарацинский стиль). Достаточно пройти по Каменноостровскому проспекту, чтобы понять, насколько яркими и интересными могут быть фасады доходных домов, выполненные в стиле эклектики. В таком доме хотелось жить, сюда хотелось приглашать гостей, его было легко найти, легко заметить на улице. Одного из ведущих архитекторов, работавших в стиле эклектики, А.И. Штакеншнейдера, называли «мастером комфортных помещений». Кроме того, архитекторы-эклектики «освоили» постройку зданий из кирпича, что значительно удешевляло строительство.

Следующим шагом развития архитектуры, одновременно отрицавшим прошлое и возрождавшим его на новом уровне, становится стиль модерн (от *фр.* – «современный»), который продолжил главную тенденцию – создание комфортных помещений, отвечающих вкусам и запросам владельцев. Только на этот раз архитекторы не искали вдохновения в постройках ушедших эпох, а создали новый универсальный синтетический стиль. О зданиях в стиле модерн говорят, что они построены как бы «изнутри наружу», т. е. внутреннее пространство определяет внешний облик. Фасады таких домов подчеркнуто несимметричны, архитекторы отказываются от прямых линий и углов в пользу более естественных, «природных» очертаний. В конструкциях и отделке используются необычные для XIX века материалы: железобетон, чугун, сталь, витражи, глазурованная керамика.

Одним из выдающихся петербургских архитекторов, работавших в стиле модерн, был Роберт-Фридрих Мельцер. В качестве архитектора Императорского двора, он принимал участие в отделке интерьеров множества царских резиденций: Зимнего дворца, Аничкова дворца, Александровского дворца в Царском Селе, Нижнего дворца и Коттеджа в Петергофе, императорского дворца в Ливадии, дворца великого князя Михаила Александровича.

В 1900 году Мельцер назначен главным архитектором Русского павильона на Всемирной выставке в Париже. В 1913 году он спроектировал один из домов для рабочих в жилом городке завода «Людвиг Нобель» (Лесной пр., 20, корп. 15). К сожалению, этот замечательный пример, когда императорский архитектор строит дома для рабочих, остается единственным в своем роде. Для того чтобы лучшие архитекторы начали строить дома для людей небогатых и незнатных, понадобилось буквально перевернуть всю Россию.

Но мечта о новой архитектуре уже зародилась. Ее можно увидеть воочию, прочитав главу «Четвертый сон Веры Павловны» романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

«Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах, – или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы – это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие

колосья? Кто ж видел такие зерна? Только в оранжерее можно бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля – это наши поля; но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы, – как же они растут на открытом воздухе? О, да это колонны вокруг них, это они открыты на лето; да, это оранжереи, раскрывающиеся на лето. Рощи – это наши рощи: дуб и липа, клен и вяз, – да, рощи те же, как теперь; за ними очень заботливый уход, нет в них ни одного больного дерева, но рощи те же, – только они и остались те же, как теперь. Но это здание, – что ж это, какой оно архитектуры? теперь нет такой; нет, уж есть один намек на нее, – дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло, чугун и стекло – только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уж настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей! Его каменные стены – будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? Да и мебель почти вся такая же, – мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия, но из чего ж вся остальная мебель, потолки и полы? «Попробуй

подвинуть это кресло», – говорит старшая царица. Эта металлическая мебель легче нашей ореховой. Но что ж это за металл? Ах, знаю теперь, Саша показывал мне такую дощечку, она была легка, как стекло, и теперь уж есть такие серьги, брошки; да, Саша говорил, что, рано или поздно, алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень. Но как же все это богато! Везде алюминий и алюминий, и все промежутки окон одеты огромными зеркалами. И какие ковры на полу! Вот в этом зале половина пола открыта, тут и видно, что он из алюминия. „Ты видишь, тут он матовый, чтобы не был слишком скользок, – тут играют дети, а вместе с ними и большие; вот и в том зале пол тоже без ковров, – для танцев“. И повсюду южные деревья и цветы; весь дом – громадный зимний сад...

...Такой же хрустальный громадный дом, но колонны его белые. „Они потому из алюминия, – говорит старшая сестра, – что здесь ведь очень тепло, белое меньше разгорячается на солнце, это несколько дороже чугуна, но по-здешнему удобнее“. Но вот что они еще придумали: на дальнейшее расстояние кругом хрустального дворца идут ряды тонких, чрезвычайно высоких столбов, и на них, высоко над дворцом, над всем дворцом и на полверсты вокруг него, растянут белый полог. „Он постоянно обрызгивается водою, – говорит старшая сестра, – видишь, из каждой колонны подымается выше полога маленький фонтан, разлетающийся дождем вокруг, поэтому жить здесь прохладно: ты видишь, они изменяют температуру, как

хотят“. – „А кому нравится зной и яркое здешнее солнце?“ – „Ты видишь, вдали есть павильоны и шатры. Каждый может жить, как ему угодно; я к тому веду, я все для этого только и работаю“. – „Значит, остались и города для тех, кому нравится в городах?“ – «Не очень много таких людей; городов осталось меньше прежнего, – почти только для того, чтобы быть центрами сношений и перевозки товаров, у лучших гаваней, в других центрах сообщений, но эти города больше и великолепнее прежних; все туда ездят на несколько дней для разнообразия; большая часть их жителей беспрестанно сменяется, бывает там для труда, на недолгое время...“

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.